

Иван Ваненко

Русские народные рассказы

Иван Ваненко

Русские народные рассказы

«Public Domain»

1892

Ваненко И.

Русские народные рассказы / И. Ваненко — «Public Domain»,
1892

«Так дело было. – Похвалился удалой парень Гаврило: „не по что-де мне с моим умом-разумом в деревне жить, по пашням и покосам бродить, а пойду-ко я, как и другие прочие, в город на заработки; кое-что я по ремесленной части и теперь смекаю, а там поживу, еще больше узнаю: всему обучусь, разживусь, – с большой казною в деревню ворочусь!..“»

Содержание

I. Про то, как деревенского парня московские вороны раздели чуть не до нага	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Иван Ваненко

Русские народные рассказы

*Не красна сказка былью,
Красна правдою.*

І. Про то, как деревенского парня московские вороны раздели чуть не до нага

Так дело было. – Похвалился удалой парень Гаврило: «не по что-де мне с моим умом-разумом в деревне жить, по пашням и покосам бродить, а пойду-ко я, как и другие прочие, в город на заработки; кое-что я по ремесленной части и теперь смекаю, а там поживу, еще больше узнаю: всему обучусь, разживусь, – с большой казною в деревню ворочусь!»

И похвалился он этак во всеуслышание, – не припомнил он видно правой пословицы – что похвальба – молодцу пагуба, да и советов на это не послушал, хоть старшие и говорили ему: «эй, Гаврилушка, не хвались, – прежде Богу помолись!» но Гаврило был парень молодой, хоть и не глупый, да непокорливый, – «учить – говорит – меня нечего: я живу не со вчерашнего вечера!»

Как сказал, так и поступил; ну да и что же? коли-б не похвальба только, оно бы и гоже; а то вот и прилунилось, видно за это самое и неудачу, и покор понести.

Почитай с год, аль и больше, наш Гаврило на фабрике какой-то в городе жил; да только научился он там больше не рукоделью, а пустомелью; на дело, на работу, с перевалом шел, а до щей до каши рысью бежал, утром спал, не вставал, пока главный. подмастерье ременным жгутом не вытянет, – ленив, значит, был. Смышленость бы, как сказано, и далась ему, да вот лень-то окаянная, да охота к гульбе не давали ему как следует смышленостью своей воспользоваться.... Так, если он что в течение года и выручил за работу свою некошную, так и то с такими-ж гуляками-товарищами проторомыжил все.

А вот уж дело подходит к Великому празднику, наступает скоро неделя Светлая.

Собираются мужички, ребятки честные, – кто домой на лето остаться, пашней заняться, кто с родными повидаться. Получил каждый трудовое вырученное, привязал деньги на крест за пазуху, надел старый кафтничко да шапченку кое-каковскую, а новую шляпу поярковую да сапоги московской работы повесил на палку да заложил за плечо; – а там помолившись на святой Кремль московский, да засучив ноги по колени, на своих подошвах доморощенных и отправился к заставе с попутчиками.

И наш Гаврило старый кафтничко вздел, ноги засучил, – и он с товарищами к заставе отправился. Да налегке пошел сердяга: не было у него чего повесить за плечи, а уж что из денежного, – так разве-разве меди с рубль.

Все ребята идут, весело раздабарывают, один Гаврило понурый глядит: зашибает его дума – с чем-то он в деревню явится?... Да, братцы-ребятушки, – сама себя раба бьет, коли не чисто жнет, – говорит пословица.

Долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли, как говорится – шагом или рысцой, сушью или грязцой, – дотянулись все, каждый до деревни своей. – А деревенские родичи и знакомые давно уже радостно ждут к празднику городских гостей: кто ждет ради нужды: «вот-де дело поправит, на трату принесет;» кто из корысти, – «вот-де подарит что-нибудь, аль угостит чем, поподчивает; «а кто просто из приязни ждет, – «вот, дескать, опять повидимся!»

Пришли городские непоседы к деревенским домоседам, и так им рады тут, что если бы не канун такого великого праздника, то сейчас бы глядишь и пир пошел. Пришел и Гаврило

домой; и его встретили, посадили, весело, ласково с ним поговорили и спать уложили: «сосни, говорят, с пути-дороги то, да отправимся уже к заутрени, чтобы часам к двенадцати в самый раз придти, а ведь до церкви дорога не близкая: верст почти с десяток есть.»

Настала ночь Светлого праздника; загомозился православный люд. Надевает каждый городскую обнову свою: кто шляпу новую с павлиным пером, кто сапоги новые, еще пожалуй козловые натягивает, кто хоть один красный кушак – и то ладно: трудовое ведь; а были и такие молодцы, что по надели и синие кафтаны да еще и рукавички зеленые замшевые.

Рано-рано поднялись все в путь к церкви Божией, чтобы поспеть до первого удара в колокол, чтобы еще слышать, как первый петух прокричит – в память того петуха заветного, который троекратным криком своим напомнил св. Петру, что человек иной раз в исполнении своих благих обещаний бывает немощен.

Весело, радостно, но без громких речей, тихо шушукая, точно боясь разбудить кого ранее чем надобно, тянется православный Божий народ, гужом на целую версту идет в Господень храм встречать Великий день, Светлое Христово Воскресение Глубоко любви дороги святые праздники сердцу русскому!..

Маленькая деревянная церковь, колокольня нисенькая; темно: не горит плашек ни по окнам, ни по улицам, но горят сердца христианские святою верою, святым ожиданием Светлого Воскресения.

Настал ожидаемый час, прокричал и петух. Вот ударил колокол, встрепенулись сердца христианские – и небогатый украшениями храм Божий ярко озарился свечами от трудовой лепты, принесенной усердно в храм православными....

Отошла заутреня; похристосовались в обычное время православные, поздравили друг друга со Светлым днем и поделились, кто с кем мог, красным яйцом. Отслушали обедню потом и отправились по домам разговеться святою пасхою.

Пришел и Гаврило из церкви домой разговеться с своими родичами.

Ну, пока не попробовали пасхи, никто и не затевал разговора о семейных делах; а как разговелись да позавтракали, – старшие выпили русского винца ради праздника, младшие принялись кое за какие домашние лакомства, – тут и пошел разговор: и о том, кто в церкви где стоял, и о том, в каком наряде кто был; и так дальше да дальше, дошла очередь и до нашего Гаврилы грешного.... Погляди на него пристально, – что же?... Кафтанишко на нем старый, порванный, кое-где позащитый свежими нитками; сапоги только верхи и то дырявые, а подошвы верно в Москве позабыл; кушачишко-то видно, что снова-то заплачен был три гривны, не более....

– Гаврило! – сказал, смекнув делом, старший из его родичей (у Гаврилы отца не было), – что это ты для праздника плохо принарядился так? али ты нас морочишь, своего богатства показать не хочешь?...

Гаврило опять потупил глаза так-же как и из Москвы вышедши.

– Да что же, отвечай! теперь дни праздничные надобно, чтобы душа на распашку была!

Гаврило не знал бы, что и отвечать на это, да набравшись в городе-то разного умничанья, а частью по собственной смышлености, вспомнил старинную сказку-прибаску да и вздумал ею деревенским людям в глаза пыли пустить и от ответа повинного вывернуться и начал так:

– Да, что делать, дядя Фомич, со мною беда сталась совсем неожиданная....

– Ой-ли? ай обокрали на дороге, – промолвил усмехаясь Фомич, – из-за пазухи видно каштан или шляпу вытащили?

– Так-не так, а вот было как... да что рассказывать? вы, чай, такому диву и не поверите?

– Как не поверить? без божбы все за правду почтем, только не ложь говори.

– Да что мне лгать? – это лжи немного прибавили.

– Да и не то что прибавь, а гляди чтобы накладу не было – Ну-ко рассказывай, что там с тобою попритчилось? больно любопытно знать.

– Ин пожалуй, для ча не рассказать. Вы кто в Москве бывали-ли?

– И, где нам бывать! отозвались многие голоса, – бывали там еще деды наши, да и то давным давно. рассказывали, правда, много диковинного.

– Ну, а московских ворон видали ли?

– А что, разве крупнее наших, чтоль?

– Крупней, не крупней, только хитрей, смышленей...

– Чем же?

– Да уж больно продувны, насмешливы.

– Как так?

– А вот как. – И начал, и почал Гаврило честному люду в глаза пыли пускать, краевым словом темное дело расцвечивать... – «Вышел я, говорит, из Москвы, как следует: на мне был синий кафтан, красный кушак, сапоги с наборами и шляпа новая залихватская. Да, я вышел из города молодцом было, а вот тут и случился грех; – или то уж вправду бес попутал, или несмышленость моя была причиною! – Только я вышел из-за заставы, да отправился по дороге сюда, – вдруг вижу, летит прямо надо мною и кричит ворона московская: «залихватская шляпа!» – мне послышалось, что ворона кричит: «дурацкая шляпа!» я снял да и бросил с досадою; иду далее, другая ворона летит и кричит: «с наборами сапоги! с наборами сапоги!» я подумал, кричит она: «сворованы сапоги!» скинул да и кинул; дальше иду, третья ворона летит и кричит: «красный кушак! красный кушак!» мне показалось, кричит: «грязный кушак!» рассердился я крепко, сорвал его, да распоясавшись так и иду; четвертая ворона летит и кричит: «синь кафтан!» мне послышалось: «скинь кафтан!» как хватил его, и долой с себя – да вот так и пришел сюда в чем видите».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.